

Г. В. Цулая

ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ ЗООНИМИИ (джикхи, мерани, хуне, тхохарики)

Как свидетельствуют специальные материалы и исследовательский опыт, данные различных разделов ономастики могут быть использованы не только языковедами, но и учеными, изучающими культурно-исторические взаимоотношения народов. Ономастика и в целом, и в отдельных ее областях порой может соперничать с источниками даже нарративного жанра. Грузинское мужское имя Лаша, в основе которого лежит абхазское (по тексту источника — апсарское) слово со значением «просветитель» в его евангельском значении; прозвище Чала, данное грузинскому царевичу (XI в.) его политическими противниками, и в абхазском и мегрельском языках соответственно значащее «болезненное животное» и «слабосильный» (о человеке); грузинское женское имя Этери (от греко-византийского *ethir* — «эфир») — все это свидетельства, с точностью эпиграфических писем говорящие о разнородных культурно-исторических связях и их непрерывной преемственности в течение более тысячелетия¹.

В этом же плане должное место необходимо отводить и такой до сих пор малоразработанной области ономастики, как этнофорные зоонимы, которые часто могут предоставить историкам и этнологам неожиданные сведения. Так, например, писатель и ученый лексикограф С.-С. Орбелиани (1658—1725), толкуя грузинское слово *джикхи*, писал: «Подобен барсу, поболее, которого персы именуют бабр. (Так) называют и одно племя, сопредельное с Абхазией»². Джикхи — это грузинская форма названия племени *зихов*, известного по греко-византийским источникам. Еще Прокопий Кесарийский (VI в.) называл зихов порубежными с Абхазией (Абазгией) племенами³. Очевидно, что с тех пор до XVII—XVIII вв. этническая ситуация здесь не менялась, если не считать, что зихи как наиболее значительное племя абсорбировали соседние с ними племена (брухов, санигов), известные еще в раннем средневековье. Не случайно, что Константин Багрянородный (X в.) уверенно называет страну Зихия⁴.

Возникает вопрос, к какому периоду может восходить аллегорический смысл этнонима *джикхи* — соседние с Абхазией племена, и *джик* — «тигр», «барс», «бабр»? Думается, возникновение этого образа можно отнести к эпохе образования Абхазского царства на рубеже VIII—IX вв.⁵ В единственном на этот счет источнике — грузинской «Летописи Картли» (XI в.) — говорится, что, «когда ослабли греки (читай — византийцы. — Г. Ц.), отложился от них эристав (читай — владетель. — Г. Ц.) абхазский по имени Леон...». «Леон был сыном дочери Хазарского царя, и с помощью его он и отложился от греков, присвоил Абхазию и Этриси до самого Лихи и нарекался царем абхазов»⁶.

Основываясь на данных других источников об этническом составе северного пограничья Абхазии, А. П. Новосельцев чисто умозрительно, но тем не менее убедительно пришел к выводу, что та часть «хазар», которая выступила непосредственным союзником абхазского владетеля Леона, могла состоять преимущественно (если не исключительно) из порубежных с Абхазией адыгов⁷. Возможно, что к этому времени начался процесс образования того племенного союза адыгов, который впоследствии и был назван «страной Зихия».

Джикхи и их страна неоднократно упоминаются в грузинских нарративных источниках. В повествовании о миссионерской деятельности Симона Кананита, сопутника Андрея Первозванного, говорится: «А люди той страны джикхи были жестокосердны, предавшиеся злодеяниям, безверные и ненасытные, которые не вняли проповеди апостола, но вознамерились убить его. Но милость Божия защитила его, и, видя непреклонность их и животный разум, оставил их и

удалился. Потому-то они и поднесь пребывают в безверии. А могила Симона Кананита находится в городе Никопсе, между Абхазией и Джикетией»⁸. Страна Зихия (груз. Джикети) упоминается и как место ссылок лиц, провинившихся перед властями⁹.

Есть случай, когда этноним джик в средневековой литературе употреблен и в качестве антропонима, хотя в истории Грузии хорошо известны факты джикского происхождения отдельных родов, в том числе и такого, как феодальная фамилия Бараташвили¹⁰.

В анонимном «Хронографе» XIV в. упоминается некий Джикур, придворный гостинник (груз. *местумре*), в обязанности которого входило соблюдение протокола приема послов («гостей»). Будучи гражданским администратором при царе Улу Давиде¹¹, явно незнатный Джикур, благодаря своим, очевидно, незаурядным личным качествам, приобрел большое влияние на царя, который во время своего пребывания в стане монголов предоставлял ему неограниченную власть в Грузии. В «Хронографе» ничего не сказано об этническом происхождении этого лица, но грузинская форма слова-имени Джикур означает «Джикский». В свое время я высказал предположение о его джикском (зихском) происхождении, не имея для этого конкретных данных¹². Перед нами, видимо, факт метафорического значения этого антропонима, первоначально прозвища, превращенного в стабильное имя, утвердившееся за человеком, своей энергичностью преодолевшим собственную незнатность. Такой смысл этнонима джик в сознании книжников Грузии был сформулирован в местных версиях легенды о распространении христианства на Северо-западном Кавказе. Впоследствии пеоративное значение термина «джик» настолько углубилось, что его исконный этнонимический смысл, как явствует из приведенного выше толкования С.-С. Орбелиани, уступил место зоониму — названию наиболее хищного на Кавказе зверя.

В современной Грузии фамилии Джикиа, Джикидзе — одни из распространенных. Их корни не обязательно непосредственно этнонимического происхождения, хотя и такие факты, естественно, не могут быть исключены. Они связаны с тем переносным значением этнонима джик, которое прослеживается в прозвищном имени вышеупомянутого средневекового грузинского деятеля Джикюра¹³. Прозвище джик могло даваться людям с бойцовскими чертами характера типа лермонтовского Мцыри и т. п.

В поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» дважды встречается слово *мерани* в значении «парящего (богатырского) коня»¹⁴. Этим свидетельством как будто должен подтверждаться факт наличия данного слова в грузинском языке еще в домонгольский период. Однако факты противоречат этому свидетельству: в грузинской литературе домонгольского периода слово *мерани* отсутствует. Впервые оно документировано, очевидно, не ранее XVI в. и встречается в некоторых списках поэмы Руставели, наиболее ранний комплект которых восходит к XVI—XVII вв.¹⁵

Первое толкование этого слова принадлежит С.-С. Орбелиани: «Мерани — быстро скачущий конь» (*ჰრიად მოაჟული ცხენი*)¹⁶. Этимологически грузинское *мерани* восходит к монгольскому *morin*, *мерин* — «конь», «лошадь» и имеет один корень с русским *мерин*. Это было замечено ученым лексикографом XIX в. Н. Чубинашвили¹⁷. В речевом обиходе, так же как в говорах и фольклоре грузин, слово *мерани* практически не встречается. Едва ли не единственным исключением является указание на кизикский диалект грузинского языка, в котором *мерани*, как уверяют, значит «сказочный конь (лошадь) белой масти»¹⁸. Отмечу, что ссылка составителя на указанные работы С.-С. Орбелиани и Н. Чубинашвили, как явствует из приведенных этими авторами материалов, не соответствует их содержанию.

В русском языке слово *мерин* впервые зафиксировано в письменных памятниках 1500 г.¹⁹ Предположение о монгольском происхождении данного русского слова высказал еще В. И. Даль: «Мерин — (монгольс.?) — смиренный, кро-

ценный жеребец, кладеный, холощенный»²⁰. А. Г. Преображенский толкует: «Мерин — кладеный конь»²¹, — без указания на языковой источник.

Когда же слово *мерани* могло попасть в грузинский язык? Нижней хронологической чертой уверенно можно считать период установления монгольского господства в Грузии. На это указывает и такой важный источник для истории монгольского владычества в Закавказье, как анонимный грузинский «Хронограф» XIV века (Жамта-агмцерели). Называя боевых коней словом *хуне*, аноним молчит о мерани, хотя именно в его сочинении впервые в грузинской литературе появляется его оригинальная монгольская форма. Рассказывая о 12-летнем животном цикле у монголов, автор «Хронографа» пишет, что один из годов монголы называли Моринджил²², его основу составляют «Морин» — «Лошадь» и «джил» — «год». Комментируя эти сведения анонима о календаре монголов, Б. Я. Владимирцов писал: «Сообщая о 12-летнем цикле у монголов, грузинский автор приводит монгольские названия циклических животных», они «те же, что и теперь у тибетцев, монголов и маньчжур»²³.

Как полагал в свое время Г. П. Сердюченко, у кавказских народов 12-летний животный цикл, заимствованный у ногайцев, существовал и у абазин, черкесов, кабардинцев²⁴. Но ни один из этих народов не воспользовался словом *морин* в качестве эпитета для боевого (богатырского) коня. Для объяснения этого могут быть использованы два аргумента, которые в равной степени можно считать доказательными. Прежде всего отмечу, что и в грузинской народной речи, для иллюстрации которой можно привести многочисленные фольклорные тексты, богатые героическими сюжетами и мотивами, также неизвестно монгольское слово *морин-мерани*. Все это, возможно, связано с высоким уровнем развития местного скотоводства и особенно коневодства как на Северном Кавказе²⁵, так и в Закавказье, в том числе и Грузии. Второй аргумент — отсутствие на Северном Кавказе местной книжности, в то время как в Грузии именно письменная культура сохранила нам это свидетельство влияния монгольского языка на грузинский.

Приведенная выше неуверенная догадка В. И. Даля о монгольском происхождении слова мерин впоследствии была полностью подтверждена, несмотря на иные, появившиеся позже суждения по этому вопросу. Не вдаваясь в подробный лексикологический анализ, приведу в заключение следующие слова В. И. Абаева, к которым нечего добавить: «В этимологическое гнездо *мерин* „холощенный конь“ следует включить грузинское *мерани* „хороший верховой конь“: русское слово справедливо считается монгольского происхождения...: монг. *morin* „лошадь“. Грузинское свидетельство говорит против заимствования из германского (нем. *Mähre* „кобыла“ и пр.), принимаемого некоторыми авторами»²⁶.

Можно быть уверенным, что в грузинском языке слово мерани могло появиться не только ввиду утверждения монгольского господства в Закавказье, но и как своеобразный результат сотрудничества с завоевателями элитной части грузинского общества.

Первая стычка грузин с монголами, по датировке грузинских и армянских источников, произошла в 1220 г. Наиболее ранние сведения об этом принадлежат анонимному грузинскому историку времен Георгия IV Лаша (1213?—1222), очевидно описываемых событий. «И вторглось, — пишет он, — в Армению и Эрети (по грузинским источникам — западные окраины Албании Кавказской. — Г. Ц.) войско (людей) чуждого семени, и малость навредили им грузинские воинские отряды»²⁷. Анонимный армянский автор, некто «из Севастии», также современник и очевидец описываемых событий, пишет, что в 1220 г. «20 тысяч татар..., разоряя все на своем пути», достигли Тбилиси, «но быстро вернулись обратно, ибо их преследовал грузинский царь Лаша»²⁸.

Таким образом, грузины, как и другие народы Закавказья, не знали даже названия монголов — «людей чуждого семени». Поэтому говорить о каких-либо лексических заимствованиях из монгольского в грузинский не приходится.

В течение ряда веков поэма Руставели (впервые она напечатана в Москве в 1712 г.) была доступна грузинам лишь в рукописных списках. Под пером пере-

писчиков поэма часто теряла подлинные и приобретала поддельные строки и целые строфы²⁹. Венценосный грузинский поэт Арчил II (1648—1713) сетовал на то, что произведение Руставели засорено различными интерполяциями и вульгаризмами, и при этом поименно называл фальсификаторов и самозванных «продолжателей» поэмы, проявивших особое рвение в XVI—XVII вв. Им и должны принадлежать указанные выше строфы с откровенными монголизмами. Беру на себя смелость рекомендовать будущим издателям сочинения Руставели изъять эти строфы, ибо они могут по-своему дискредитировать великое произведение.

Факт заимствования слова *мерин-мерани* отражает то потрясающее впечатление, которое произвела на грузин монгольская конница, как ураган пронесшаяся над Закавказьем. Отныне для местного феодала, который сам всю жизнь проводил на верховом коне то в войнах против внешних врагов, то в междоусобных стычках, монгол становится идеалом всадника. «Особенно ловки они были на лошадях,— с восторгом пишет грузинский хронист о монголах,— ибо на лошадях они вырастали, не знали доспехов, кроме лука и стрел»³⁰. Очевидно поэтому ареал распространения слова мерани был ограничен аристократической прослойкой грузинского общества, а деятели художественного слова,— как правило, представители феодального класса или близкие к ним лица — придали ему и поэтическое звучание. В народных массах это обстоятельство отразилось иначе. Старинным образцам грузинского фольклора, как уже сказано, название «парящего (богатырского) коня» мерани неизвестно. Владычество монголов в Грузии, как и везде, особым бременем легло на плечи трудового населения. В армянском и грузинском языках слово «татаро-монгол» стало синонимом опустошительного смерча, и о какой-либо «идеализации» монгольского всадника здесь не могло быть и речи.

В 1842 г. грузинский поэт Н. Бараташвили (1817—1845) создал свое известное стихотворение «Мерани»³¹, заглавие которого, кстати, принадлежит не автору, а издателем его сочинений. Заимствованное монгольское слово, до сих пор носившее преимущественно книжный характер, отныне обрело общепризнанное метафорическое звучание. П. Бараташвили придал особую популярность среди грузин образу «парящего коня» мерани, впервые появившемуся в таком качестве в указанных псевдоруставелевских строфах, и сделал его символом несокрушимого движения вперед.

Образу воинского (богатырского) коня *мерани* в грузинской литературе предшествовал другой — *хуне*. Этнофорное происхождение этого иппонима не должно вызывать сомнений. В грузинской словесности оно встречается за много веков до мерани, синонимом которого он между прочим выведен и в упомянутом стихотворении Н. Бараташвили.

В древнегрузинских переводах Библии *хуне* соответствует русскому слову *конь*³². Оно нередко встречается также в памятниках исторической литературы. Так, например, анонимный историк царя Давида IV Строителя (XII в.) говорит о том, как сельджуки в ходе нашествия на Грузию «святые церкви превратили в стойла для своих коней (хуне)» — (*тцмидани эклесиани шекхмнес сахлад хунетһа тһвистһа*)³³. В «Истории и восхвалении венценосцев» (XIII в., домонгольская эпоха) встречаются выражения: *дзгера хунетһа* — «столкновение коней»³⁴; *католикоси шемосили шесуес хунеса тһвисса* — «католикоса облаченного посадили на коня его»³⁵. В «Хронографе»: *гардахда хунесаган* — «спешился с коня»³⁶; *хуне менһиса* — «царский конь»; *агсуа менһе хунеса тһвисса* — «посадил царя на коня его»³⁷; *моакһцес хунени* — «повернули коней»³⁸. Коротко говоря, вплоть до XIV в. в грузинской литературе *хуне* — символ боевого (богатырского) коня и эпитет коней царских.

Точно так же, как прокомментированный выше *джики* в значении «барс», *хуне* этнофорного происхождения и связан с племенным названием гунны (*hunni*), мощное движение которых было одной из драматических страниц в истории Евразии.

Однако пути превращения этнонима гунны в грузинский иппоним *хуне* не так

прозрачны, как в уже рассмотренных случаях. В отличие от соседних племен, с которыми у грузин всегда были многообразные и разнородные контакты, а также монголов, в течение длительного времени господствовавших в Грузии, гунны были здесь менее значительным эпизодом.

Не буду вдаваться в подробности истории вторжения гуннов на Кавказ. Об этом написано немало исследований (А. Н. Бернштам, Ф. Альтхайм, А. В. Гадло и др.), и их пересказ не является задачей данной статьи. В мою задачу входит иной аспект проблемы: каким образом у грузин произошел перенос этнонима гунны на название боевого (богатырского) коня? Объяснение этому дают исключительно армянские и грузинские письменные источники.

В грузинских письменных памятниках этноним гунны в его конкретном этническом значении не встречается. Движение гуннов носило такой характер, что оно втягивало в себя и побежденные племена и народы³⁹. Поэтому вряд ли можно считать, что упоминаемые в армянских и грузинских письменных источниках гунны дагестанского Прикаспия⁴⁰, в страну которых армянские иерархи ссылали не покорявшихся им язычников⁴¹, принадлежали к конкретному этносу. Сопоставление грузинских источников с армянскими может внести некоторую ясность в наши представления о том, кого могли иметь в виду грузины в середине I тыс. н. э. под названием гунны. В описании восстания армян и грузин (картлийцев-иберов) против Сасанидов армянским историком V в. Лазаром Фарпеци в том контексте, где говорится о возможности картлийского правителя Вахтанга Горгасала привлечь на сторону повстанцев многочисленные племена гуннов⁴², в грузинских письменных памятниках, составленных позднее, фигурируют овсы.

Возникает вопрос — каким же образом в грузинском языке сохранился этноним *хуне* в интересующем нас значении, а не тот этноним, под которым гунны, как я полагаю, были известны грузинам? На этот счет можно лишь строить догадки. Одним из вероятных источников является языковой, устный, в котором этноним гунны перенесен на образ «воинского коня».

Точно так же, как *хуне*, грузинское название иноходца *тхохарики* — «конь, хороший скакун»⁴³ (а также алур — *тохарикоба* — «хорошая иноходь»⁴⁴) — имеет этнофорное происхождение.

Первоначальное значение этого слова достаточно легко распознается. Совершенно прозрачен его корень *тхохар*, а слово в целом этнонимического происхождения и должно восходить к названию народа *тохары*. В речевом обиходе народов Кавказа аллегорическое значение этнонима тохар зафиксировано, насколько мне известно, только в дигорском диалекте осетинского языка, но в ином значении: *taxaerag* — название вида сафьяна. Предполагают, что в нем «отзвук этнонима *тохар*, относящегося к иранскому племени в Бактрии»⁴⁵.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что слово сохранилось в наиболее архаическом диалекте осетинского языка — дигорском, этом, по словам В. И. Абаева, кладезе иранских элементов в осетинском. Очевидно, этот отзвук в дигорском диалекте является результатом связей предков осетин с тохарами в период их совместного пребывания в бассейне восточного Прикаспия. Но грузинское «тохарики» — иноходец вряд ли отражает факт заимствования из осетинского (дигорского). Во-первых, этому мешает разница в значении одного и того же корня в двух разных языках; во-вторых, у нас нет данных о древности комментируемого слова в самом грузинском. Остается единственная возможность считать это слово чисто лексическим заимствованием из иранского с дальнейшим его аллегорическим осмыслением уже в собственно грузинской среде. Вяч. Вс. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе считают индоевропейцев тахаров одними из распространителей коневодства на Востоке⁴⁶.

Приведу названия различных видов и пород лошадей на грузинском языке, зафиксированные в «Толковом словаре» С.-С. Орбелиани, в надежде, что они могут быть использованы в специальных штудиях по общей зоонимии Кавказа и народов исторически и культурно с ним связанных регионов: «Лошадь самец

называется ахта, а самка — хрдали и тчаки; и детеныша кицви, которое миряне называют квици; а самца кицви — ура, самку же именуют пнашати; необъезженного самца — аджилга; холощенного — таитчи; верховую лошадь — сахедари; породистую и хорошую — уне и джиниби, которая есть маркпапа; необученную лошадь — рема; молодую — герге; осла и (лошадь) от осла — джори и соответственно называют — ахта (самец) и хрдали (самка), а жеребенка их — мутруки, а верхового осла — караули»⁴⁷.

Значительная часть названных здесь наименований не поддается легкой этимологизации. Они явно представляют собой факты ареальных изоглосс и, судя по всему, в первую очередь (хотя и не исключительно) придется ориентироваться на тюркский ареал. В этом плане примечательно, что даже в абхазском языке, в котором явно прослеживается эндемический характер названий различных видов лошадей, заметно тюркское влияние. Сравните: название коня наряду с автохтонным *ачы*, также и алаша — «конь». Последний имеет с русским «лошадь» — «вообще конь»⁴⁸ — общий языковый источник (тюрк. «алаша»⁴⁹).

В плане этнофорности иппонимов в приведенной словарной статье может представлять интерес термин *таитчи*, который в специальном толковании того же автора объясняется «холощенный конь», а в некоторых списках его труда дополнительно — «хороший конь»⁵⁰. В «Словаре» Н. Чубинашвили⁵¹ к *таитчи*, на русский переводимому *мерин*, дан его лексически непонятный синоним *иабо*, не зафиксированный в «Толковом словаре» С.-С. Орбелиани.

Слово *таитчи* в грузинском первоначально означало «верблюд», как об этом свидетельствуют древнегрузинские переводы Священных писаний⁵². Но уже в поэме Руставели и раннем цикле свода грузинских летописей, в которых это слово встречается достаточно часто, оно является синонимом «царского коня», коня «героического всадника», т. е. «парящего коня» мерани. Вот несколько текстовых иллюстраций: *Моикца Вахтанг да агджда таитчса тнвисса* — «Подшел Вахтанг и воссел на коня (таитчи) своего»; *агджда таитчса шетчурвился джавшнитна* — «Воссел на коня (таитчи), облаченного в панцирь»; *да сиксикасатна таитчсиса мисисатна* — «и проворностью (таитчи) коня его»⁵³ и т. д.

В говорах грузинского языка данное слово почти не встречается. Единственное исключение, кажется, — кизикский диалект, в котором оно значит «тяжеловесная лошадь», «вьючная лошадь»⁵⁴, т. е. произошло «приземление» некогда боевого, «царского коня», некогда «парящего мерани».

Я думаю, что *таитчи* — термин этнофорного происхождения, восходит к этнониму *татчик* и в этом смысле типологически родствен вышеназванным — *джикчи*, *хуне*, *тнхарики*. Этноним *татчик*, иранское название арабов, из языков Кавказа чаще всего встречается в армянском и также означает *араб* (впоследствии был перенесен на османов). Как считал Гр. Ачарян, изначально («начиная с древнейших времен») *татчиками* называли жителей, населявших территорию между Ассирией и Евфратом. Это наименование применялось и к финикиянам и хананеянам⁵⁵. В этой связи симптоматично, что в древнегрузинском сохранилось, очевидно, особое значение этого слова — «верблюд» как символ арабских бедуинов, очевидно, также заимствованное, скорее всего, из пехлевийского (судя по материалам цитированного сочинения Гр. Ачаряна).

В заключение мне вспоминаются полные исторического чутья строки из стихотворения Самуила Яковлевича Маршака «Словарь»:

«На всех словах события печать,
Они дались недаром человеку».

Примечания

¹ *Цулая Г. В.* Из истории грузинской антропонимии // Сов. этнография (далее — СЭ). 1991. № 3. С. 118. Здесь не место пускаться в этимологию слова-имени Чала. Судя по всему (ср.: русск. *чалый* — из тюрк. *çal* — «седой», «серый»), оно должно представлять собой одну из многочисленных тюркско-кав-

казских изоглосс (см.: *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1956. С. 581; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973. С. 313* (без упоминания кавказского материка)).

² *Орбелиани С.-С. Соч. Т. 4. Ч. 2. Тбилиси, 1966. С. 456* (на груз. яз.).

³ *Проконий Кесарийский. Война с готами. М., 1950. С. 383; см. также: Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 34.*

⁴ *Константин Багрянородный. Об управлении Империей. Текст, перевод, комментарий/Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 41, 289. Примеч. 4 и др.*

⁵ См.: *Джанашиа С. Н. О времени и условиях образования Абхазского царства//Джанашиа С. Н. Труды. Т. 2. Тбилиси, 1952; Анчабадзе З. В. Указ. раб. С. 95 и сл.*

⁶ *Летопись Картли/Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 48.*

⁷ См.: *Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.*

⁸ *Картлис цховреба (История Грузии) (далее — КЦ). Т. I. Тбилиси, 1955. С. 42.*

⁹ *Летопись Картли. С. 54. Из двух форм этнонима — *зихи* и *джихи* — оригинальной (автохтонной) следует признать первую, на что должны указывать абхазская фамилия Зыхуба (Зухба).*

¹⁰ *Джанашиа С. Н. К генеалогии Бараташвили//Джанашиа С. Н. Труды. Т. 2 (на груз. яз.).*

¹¹ *Сын Георгия IV Лаша (1213?—1222), определенный монголами после завоевания ими Грузии правителем Восточной Грузии. Улу (монг.) — старший.*

¹² *Цулая Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа//Кавказский этнографический сборник. Т. VII. М., 1980. С. 199, 205. Примеч. 44—44а.*

¹³ Эта закономерность, общая для антропонимии в целом, естественно, присуща и имятворчеству грузин и абхазов. Приведу наиболее типичный пример: абхазское родовое имя *Агрба*, в основе которого лежит абхазское название мегрелов — *агруа*, как в абхазском, так и в мегрельском означает не только этноним, но и социальную категорию — «крестьянин» (см.: *Кипшидзе А. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем. СПб., 1914*). Это переносное значение этнонима *агруа* и могло лечь в основу носителей данной фамилии генеалогически абхазцев. (О путях же ассимиляции абхазами грузин см.: *Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973. С. 236—237* и др.)

¹⁴ *Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Текст с основными разночтениями, комментариями и словарем. В 2-х т./Под ред. А. Г. Шанидзе, А. Г. Барамидзе. Т. I. Тбилиси, 1966. Строфы 96(95), 205(204) (на груз. яз.).*

¹⁵ Там же. С. 30 (разночтения к строфе 97).

¹⁶ *Орбелиани С.-С. Указ. раб. Ч. I. Тбилиси, 1965. С. 469* (на груз. яз.).

¹⁷ *Чубинашвили Н. Словарь грузинского языка с русским переводом. Тбилиси, 1961. С. 276. О распространении монг. *тогил* в различных языках мира см.: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984. С. 554—556.**

¹⁸ *Ментешашвили С. Б. Словарь княжеского диалекта/Под ред. В. Т. Топуриа. Тбилиси, 1943. С. 110* (на груз. яз.).

¹⁹ Об этом см.: *Фасмер М. Указ. раб. Т. II. М., 1967. С. 604.*

²⁰ *Даль В. И. Указ. раб. Т. II. М., 1956. С. 321.*

²¹ *Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1915. С. 528.*

²² *Цулая Г. В. Грузинская книжная легенда о Чингисхане//СЭ. 1973. № 5. С. 119.*

²³ *Владимирцов Б. Я. Анонимный грузинский историк XIV века о монгольском языке//Изв. Академии наук. 1917. № 17. Серия 6. С. 1488.*

²⁴ *Сердюченко Г. П. Счет по животному циклу у кабардино-черкесов, абазин и югайцев//Уч. зап. Кабардинского научно-исследовательского ин-та. Т. II. Нальчик, 1947.*

²⁵ Даже русские генералы начала XIX в., наводившие страх на французскую кавалерию, признавали, что на Северном Кавказе «неприятель имеет весьма сильную конницу» (*Записки А. П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991. С. 302*). См. также: *Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 56.*

²⁶ *Абаев В. И. Этимологические заметки//Абаев В. И. Избр. труды. Т. II. Владикавказ, 1995. С. 597—598.*

²⁷ КЦ. Т. I. С. 370.

²⁸ *Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв./Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А. Г. Галстяна. М., 1962. С. 23.*

²⁹ Подробно об этом см.: *Ингорюкв П. И. Собр. соч. Т. I. Тбилиси, 1963. С. 12—14, 56—57* и др. (на груз. яз.); *Барамидзе А. Г. Руставели и его поэма. Тбилиси, 1966* (на груз. яз.).

³⁰ *Цулая Г. В. Грузинская книжная легенда о Чингисхане. С. 115.*

³¹ Лучший из переводов стихотворения «Мерани» на русский язык принадлежит М. Лозинскому, знаменитому переводчику «Божественной комедии» Данте.

³² *IV Цар. V, 9; VI, 17; Пс. LXXV, 7* и т. д.

³³ КЦ. Т. I. С. 32.

³⁴ КЦ. Т. II. Тбилиси, 1959. С. 6.

³⁵ Там же. С. 89.

³⁶ Там же. С. 216.

- ³⁷ Там же. С. 28.
- ³⁸ Там же. С. 313.
- ³⁹ О передвижениях гуннов по территории Кавказа и Закавказья см.: *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979 (там же дана обширная библиография).
- ⁴⁰ Ср.: *История Дагестана*. Т. I. М., 1967. С. 116—117.
- ⁴¹ *Мовсес Хоренаци*. История Армении. Ереван, 1961. С. 337 (на арм. яз.); русск. перевод Г. Саркисяна. Ереван, 1990. С. 203.
- ⁴² Сведения Лазара Фарпеци о Грузии/Перевод с древнеарм. (на грузинский) и исследование Л. Н. Джанашиа. Тбилиси, 1962.
- ⁴³ *Орбелиани С.-С.* Указ. раб. Ч. I. С. 315.
- ⁴⁴ Там же; *Чубинашвили Н.* Указ. раб. С. 363.
- ⁴⁵ *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. М., 1979. С. 242.
- ⁴⁶ *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Указ. раб. Т. II. С. 561—562. Можно обратить внимание также на имя Тохар, носителем которого был один из придворных шаха Хосрова Сасанида в популярной в средневековой Грузии поэме Фирдоуси «Шах-Наме» (Т. VI. М., 1989. С. 347, 376 и др.).
- ⁴⁷ *Орбелиани С.-С.* Указ. раб. Ч. 2. С. 344.
- ⁴⁸ *Даль В. И.* Указ. раб. Т. II. М., 1956. С. 269.
- ⁴⁹ *Фасмер М.* Указ. раб. Т. II. М., 1967. С. 525—526; Ср.: Шагиров А. К. *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков*. Т. I, М., 1968. С. 59; Кварчия В. Е. *Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке*. Сухуми, 1981. С. 87—89.
- ⁵⁰ *Орбелиани С.-С.* Указ. раб. С. 131.
- ⁵¹ *Чубинашвили Н.* Указ. раб. С. 237.
- ⁵² *Абуладзе И. В.* *Словарь древнегрузинского языка (Материалы)*. Тбилиси, 1973. С. 410.
- ⁵³ КЦ. Т. I. С. 153—155.
- ⁵⁴ *Ментешашвили С. Б.* Указ. раб. С. 172.
- ⁵⁵ *Ачарян Гр.* *Этимологический коренной словарь армянского языка*. Т. IV. Ереван, 1979. С. 365—366 (на арм. яз.). Ученый приводит различные значения этого слова, в том числе и такое, как «охотничья собака».

Extract from the Georgian zoonimy

Some Georgian zoonimic terms, reflecting ethnic interrelations, are analysed. The item covers the history of contacts of the peoples of Georgia with the peoples of North Caucasus, Mongols, and some Iranian-speaking groups.

G. V. Tzulaya

© 1996 г., ЭО, № 4

А. И. Егорова

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛОВОГО СИМВОЛИЗМА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЯКУТОВ

В каждой культурной традиции накоплен определенный фонд символов, с помощью которых «культура осмысливает половые различия и сексуальное поведение»¹. Эти символы воплощаются в тех или иных формах фольклора, произведений искусства, этикета, игр, одежды и т. п.

Половые символы — образы мужественности/женственности и связанные с ними особенности поведения — в различных культурных, религиозных, этнических традициях имеют собственное значение. В данной статье нами предпринята попытка исследования половых символов якутов на основе анализа некоторых этнографических данных, а также данных из области мифологии.

Символы мужского и женского начал наиболее ярко представлены в космогонических, зооморфных и антропоморфных мифах, в культах божеств и духов, числовой символике полов, а также в бинарных оппозициях.

Мы попытались установить связи между оппозициями мужской/женский и